

Железные четки

Автор:

Валентин Пикуль

Железные четки

Валентин Саввич Пикуль

Через тернии – к звездам #18

«...Не будем наивно думать, что в монахи шли только глубоко верующие люди. Напротив, за стенами русских монастырей зачастую укрывались ищущие сытости вольнодумцы, потерпевшие крушение надежд и жизненные невзгоды, под благовест церковных колоколов люди погребали несчастную любовь. Убежденный атеист, Иакинф Бичурин затаил свою натуру под видом смиренника, отрешенного от земных страстей, ловко скрывая свое безбожие...»

Валентин Пикуль

Железные четки

Историческая миниатюра

Начало истории – прямо-таки из романа времен благородных рыцарей и прекрасных дам. Только дело происходило не в Валенсии или Провансе, а в старой Казани, перед Танечкой Саблуковой стояли на коленях не Дон-Кихот с Дон-Жуаном, а всего лишь два юных семинариста в замызганных рясах, и животы у них были подведены от давнишнего недоедания.

– О, как мы любим вас! – согласно взывали они к девице. – Наши чувства к вам одинаковы, только натуралии у нас разные. Вот и решили сообщать, чтобы вы сами выбрали себе угодного...

Семинаристы были сыновьями бедных дьячков, между собой двоюродные братья: пригожий Саня Корсунский и раскосый (чуваш по матери) Никита Бичурин. Девушке нравился Корсунский, о чем она созналась, и Бичурин сразу поднялся с колен:

– Вот и конец! Теперь, по уговору меж нами, Саньке под венец с тобою идти, а мне монашеский сан принимать, дабы не мозолил я вам глаза, любви вашей мешая...

Корсунский потом уехал с женою в Петербург, стал чиновником и даже разбогател, а Никита Яковлевич Бичурин для мира исчез. Под монашеским клобуком появился новый человек – Иакинф. Было ему тогда лишь 22 года. Иакинф уже блистательно владел латынью, свободно говорил по-немецки, дерзал переводить с французского вольтеровскую “Генриаду”. Молодого монаха оставили в Казани, где он читал лекции по грамматике и риторике, его повысили в духовном сане.

Не будем наивно думать, что в монахи шли только глубоко верующие люди. Напротив, за стенами русских монастырей зачастую укрывались ищущие сытости вольнодумцы, потерпевшие крушение надежд и жизненные невзгоды, под благовест церковных колоколов люди погребали несчастную любовь. Убежденный атеист, Иакинф Бичурин затаил свою натуру под видом смиренника, отрешенного от земных страстей, ловко скрывая свое безбожие.

Это давалось нелегко. Недаром же впоследствии декабрист Николай Бестужев перековал свои кандалы на гирлянду монашеских четок – в подарок отцу Иакинфу:

– Чую, будут они грузны для тебя, как и для нас тяжки были кандалы такие... Потаскай, сам сведаешь!

Впрочем, это случилось позднее, а в 1802 году Иакинф был назначен в Иркутск – ректором тамошней семинарии и архимандритом Вознесенского монастыря. Из Казани он вывез с собою молодого послушника, который стелил ему постель, возжигал перед ним свечи, ставил самовар и прочее. Так бывало днем... А ночью “послушник” сбрасывал рясу и становился прекрасной женщиной, бежавшей от барщины искать воли.

– Выбрось из головы Таньку свою, – шептала она по ночам, ревнуя. – Нешто я хуже недотроги казанской?..

Эта любовная история была однажды разоблачена, женщину вернули под власть помещика, а Бичурина заточили в темнице Тобольского монастыря – именно в той камере, где в давние времена сидел, потрясая цепями, неистовый протопоп Аввакум.

Иакинфа Бичурина спасла от кары... политика!

Россия очень бережно относилась к своим дальневосточным владениям, прощая многие амбиции династии цинских богдыханов. Но своего посла в Пекине не имела, роль посольства там исполняла духовная миссия – с монахами и студентами, изучающими китайский язык. Как раз в это время русский кабинет отправил в Китай особое посольство во главе с графом Юрием Головкиным, чтобы разрешить стародавние споры. Проездом через Тобольск граф узнал о заточении Иакинфа:

– И почему это у нас дураки в Сенате заседают, а умных людей в тюрьмах содержат? Буду писать лично императору...

Однако дипломат добрался лишь до кочевий Урги (ныне город Улан-Батор). Китайские мандарины требовали от графа исполнить унижительный церемониал “коу-тоу”, отрепетировать серию поклонов и приседаний перед идолом, заменившим в их воображении самого богдыхана. Головкин унижаться не стал:

– Мне, русскому послу, не пристало ползать на четвереньках перед вашим истуканом, вылепленным из глины...

Петербург в особом меморандуме протестовал: “Возвращение российского посольства, преждевременное и неприличным образом вынужденное, есть неслыханное для нас происшествие!” Юрий Головкин настоял перед кабинетом, чтобы обновили русскую миссию в Пекине, а отца Иакинфа сделали главою миссии.

– У них там много всяких китайских церемоний, – напутствовал он монаха, – но ты в Пекине не слишком-то церемонься. Сам увидишь, что делать в царстве богдыханов... Паче того, со времен Кяхтинского трактата между великой Россией и Поднебесной империей объявлен “вечный мир”!

В январе 1808 года в Пекин въехала X духовная миссия, дабы сменить IX миссию. Иакинф оставил церковные дела в покое, сразу же приступив к изучению китайского языка. Его редко видели в храме, он пропадал на базарах и в харчевнях, осваивая разговорный язык. “Не хваля себя, могу сказать, что живу здесь единственно ради отечества, а не для себя, – писал Иакинф из Пекина друзьям на родину. – Иначе в два года не мог бы я выучиться так говорить по-китайски, как ныне я говорю”. Познание Китая давалось с трудом: масса ошибок в транскрипции личных имен и в географии страны, допущенных учеными Европы, привела к невообразимой путанице в написании и произношении китайских слов. Пекинские мудрецы допустили монаха до своих сокровищ: Иакинф подкупил их невольным трепетом, с каким обращался с древними книгами. Конечно, он не смел коснуться пальцами текста, особенно бережно листал манускрипты, писанные красными чернилами, что, по мнению мудрецов, сразу в восемьсот раз повышало их ценность.

Настал 1812 год. Петербургу было не до того, чтобы думать о духовной миссии в Пекине, которая в канун войны (и даже после изгнания Наполеона) не получала ни копейки денег. Дабы монахи и студенты не побирались на улицах, Иакинф самым безбожным образом распродал церковную утварь. В 1813 году китайцы восстали против династии Цин, Иакинф описал восстание как очевидец, дополнив статью историей прошлых бунтов в Китае. Опубликованная в “Духе журналов” русской столицы, эта статья стала первой научной работой Иакинфа.

Он любил труд, который одному человеку, кажется, и не осилить. А потому смело брался за переводы необъятных томов китайской истории, вникал в поучения азиатских философов. В душе вольтерьянец, следуя по стопам французских энциклопедистов, Бичурин даже преувеличивал восточную мудрость, облагораживал местные нравы и законы. “В таком государстве, – писал он о Китае, – без сомнения, есть много любопытного... много хорошего, поучительного для европейцев, кружащихся в вихре различных политических систем”.

Историки Европы выводили корни китайцев от Египта или даже Вавилона, искали их первоистоки в библейских легендах; немецкие синологи видели в

племенах Тянь-Шаня “усунь” следы прогерманского происхождения. Бичурин – вопреки всем! – точно указал на самобытность культуры Китая, которая оформилась в долинах среднего течения реки Хуанхэ.

– А Господь Бог, – говорил он, – не додумался заглянуть в эти края, так что и Библия тут сбоку припека. Немецким же духом в Азии никогда и не пахло...

До Иркутска стали доходить слухи, будто глава миссии запустил храм в Пекине, не обнаруживая никакого почтения к церковным святыням. В 1821 году священный синод прислал в Пекин нового владыку миссии Петра Каменского.

– Зверь! – сказал он Иакинфу. – Ты погляди, во что храм Божий обратил. Даже мышонку огарка свечного не оставил... все пусто, хоть лошадей заводи с улицы. Куда же все подевалось, харя твоя мерзопакостная? Давай ключи от миссии.

Иакинф Бичурин брякнул ключами на пол.

– Нагнись и подыми сам, – сказал он Каменскому...

Каменский послал донос в священный синод. Бичурину было велено сдать дела миссии, а самому выехать в Петербург для оправданий. Иакинф выступил в путь караваном верблюдов, увозя в столицу четыреста пудов книжной учености по философии, экономике, географии и истории Китая.

Но мужам синодальным было не до его интересов.

– Где бы нести китайцам слово Божие, вместо этого ты в Пекине вавилонском беса блудного тешил. – Его упрекали во многих грехах, даже за пристрастие к китайкам, искренне удивляясь: – Чего ты в узкоглазых нашел хорошего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pikul_valentin/zheleznye-chetki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)